

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

(Окончание.)

Начало на 3-й стр.)

100—200 лет по отношению к такому грандиозному явлению, как «Манас», я думаю, не явятся катастрофической ошибкой. Зато установление столь важной «литературной даты» сыграет большую роль в развитии современной культуры киргизского народа, в развитии интернационального сотрудничества советских народов. Это будет, я думаю, не только национальным праздником нашей республики, но и международным событием в области культуры, если мы об этом сумеем приковать внимание общественности разных стран.

Корр.: Какое впечатление произвело на вас современное английское искусство и культурная жизнь страны?

Ч. Айтматов: Впечатления самые разноречивые.

Когда смотришь на географическую карту, Великобритания занимает крохотное место на земном шаре. И тем не менее культура и искусство этой страны знаменуют собой достойнейшую страницу в истории человечества. Да, это мужественный, стойкий, высокоразвитый народ.

Но сегодняшняя капиталистическая действительность вносит в облик его культуры резкие контрасты. С одной стороны — богатые традиции и мастерство творчества, блистательная, глубокая художественная мысль, с другой стороны — культ массового потребительского искусства, культ грубой силы и низменных инстинктов. И все это уживается в лоне одного общества.

Наиболее наглядные примеры дают здесь кино и телевидение.

Мне удалось познакомиться с образцами подлинно высокого киноискусства. Например, я смотрел в Лондоне новый английский фильм — «Кес». Это сделано по большому счету реалистического, социально правдивого кино. Фильм производит сильное впечатление своей гуманностью и драматизмом. И к тому же — очень поэтичная вещь. Возможно, картина так тронула меня еще оттого, что мотив ее созвучен «Белому пароходу». Картина по-

священа мальчику, который страстно хочет видеть мир прекрасным. Я думаю, это произведение английских кинематографистов выйдет за пределы границ своей страны, и мы увидим его у нас.

Однако английские экраны в основном забиты коммерческой кинопродукцией, имя которой — псевдоискусство, продукцией по преимуществу американской, растлевающей и деморализующей человека, обкрадывающей его. В самом деле, люди отдают по 2—3 часа драгоценного времени, чтобы посмотреть нехитрую поделку, в которой нет ни грана искусства, но зато все сделано для того, чтобы увлечь обывателя. В сущности крутят один и тот же ковбойский сюжет, только по-разному аранжированный, каждый раз снабженный все новыми и новыми находками по части убийств, секса, опустошающей душу ненависти. И так — день за днем, год за годом. Жестокость, цинизм, безверие насаждаются усиленно. Все это ведет к выхолащиванию человеческого в человеке.

Во время моего пребывания в Англии много было разговоров о нашумевшем спектакле «О, Калькутта», поставленном одним из лондонских театров. Основная «новизна» его состояла в том, что актеры разыгрывали на сцене пьесу в чем мать родила. Совершенно голые. Лондонцы по этому поводу острили: мол, театр отбивает хлеб у стриптиза.

Тяжелое чувство порой вызывали и телепередачи. Я уж не говорю о бесконечных рекламных, без которых, видимо, обыватель уже не в состоянии существовать и ориентироваться. Правда, порой попадались и достаточно ловко сработанные. Рекламой в Англии не гнушаются даже известные актеры, время от времени появляющиеся на экранах, чтобы, допустим, выкурить рекламируемую сигарету или выпить со смаком кружку самого наилучшего пива. Но в большинстве своем эти передачи назойливы и откровенно фальшивы.

Телевидение в значительной мере повинно в жестоких нравах, пропагандируемых особенно среди молодежи. К

примеру, постоянно транслируются соревнования по кетчу. Выходят на ринг два дюжих молодца, и начинается лютая драка. Бьют друг друга кулаками, ногами, как угодно, выкручивают конечности, пытаются оторвать ухо. Или, зажав соперника в угол, бьют коленом в солнечное сплетение до тех пор, пока тот полумертвым не сползает на пол. Взаимное истязание продолжается долго, часами. Говорят, что все это разыграно. Но от того не легче. Соперники звереют, и тем более накаляются страсти. Зритель неистовствует, кричит, ревет... Не думаю, что таким образом можно воспитать мужество. Наверное, лишь — жестокость и бездуховность.

А тем временем на прилавках лежат без движения книги, стоят они дорого, к серьезной литературе и серьезному искусству имеет доступ ограниченное число людей. Зато взмает — массовое чтение дешевой литературы, духовно опустошающей ее потребителей.

Одной из иллюстраций такой опустощенности послужило для меня посещение знаменитого Гайд-парка. Перед 20—30 скачущими людьми выступал некий оратор на табурете, принесенном из дома. Он говорил о дороговизне, о росте налогов, о бесовском грабеже квартирно-владельцами. В толпе же посмеивались, не слушали. Что толку от этих разговоров. В огромном многомиллионном городе этот оратор был подобен человеку, взобравшемуся на вершину и кричащему слова в пустоту, в безлюдное пространство...

Или — слоняющиеся по улицам, ночующие на площадях хиппи, босоногие, обросшие юнцы с отсутствующими глазами... Хиппи презирают, игнорируют общество, живущее коммерцией и наживой. Но ничего конструктивного взамен они не предлагают, да и предложить не могут. Бездеятельность — вот их бог. Больные, беззащитные, юродивые!..

Общество, пожалуй, невозможно справиться с этой болезнью, поскольку хиппи — закононоружденное дитя этого общества, дитя, которое не

могло не появиться в условиях глобального насаждения потребительской культуры и активно культивируемой бездуховности.

И однако в народе есть свое здоровое, яркое искусство. В частности, длинноволосые «битлы» — исполнители современных городских песен — мне очень понравились. Здорово поют они. Мастерски. Это настоящая народная эстрада. На концертах присутствует много рабочей молодежи. Собираются они вечерами в «пабах» — в пивных и за кружкой пива слушают любимые песни любимых певцов. Пьяных я здесь не замечал. Главное здесь песня и музыка. Песенки вроде незамысловатые, большей частью «ковбойские». К примеру: «Когда жил я у родителей на ранчо, было у меня много друзей и подружек. А теперь я один в прерии со стадами. Эй, путник, заверни ко мне на огонек, и я спою тебе песню про девушку, которую любил...» Видимо, задушевность и мастерство исполнения, талантливая музыка покоряют слушателей. «Битлы» пользуются большой популярностью.

Корр.: Не могли бы вы рассказать о том, как оценивают проблемы, стоящие перед английской культурой, ее представители?

Ч. Айтматов: Вопрос этот сложный, не поддающийся простому пересказу. Я мог бы сказать о том, что английские писатели и деятели культуры выражают озабоченность натиском «массового» искусства. Они пытаются противостоять этому потоку, но противостоять очень трудно. Издатели в литературе и работодатели в искусстве, как правило, больше поощряют произведения коммерческие, сулящие прибыли. Пропганда низменных страстей, культура грубой силы, эгонизма, чувственности находит спрос и у дельцов, стригущих купоны на культурной ниве, и у публики, бездумно потребляющей этот несвежий товар. Положение сложное. Страна массовой грамотности стоит перед лицом неотвратимой индустрии, «массовой» потребительской культуры.

Разумеется, многие писатели пытаются взывать к гу-

манным идеалам, вести с читателем серьезный разговор о жизни, но не всегда им удается докричаться до оглушенного коммерческим валом соотечественника.

Корр.: С кем из известных английских писателей вы познакомились?

Ч. Айтматов: С удовольствием познакомился в Лондоне с Джеком Линдсеем и с большим интересом беседовал с ним.

К сожалению, июль — месяц летних отпусков, и многих из тех, с кем бы мне хотелось встретиться, в ту пору в Англии не было.

Корр.: А кто перевел вашу повесть на английский?

Ч. Айтматов: Джон Френч. О нем я всегда думаю с уважением. Бывший военный летчик, сражавшийся в годы войны с фашистами, он был в Мурманске в составе смешанной эскадрильи, защищавшей северные рубежи нашей страны и охранявшей морские караваны союзников. С тех пор заинтересовался советской литературой, изучил русский язык, стал переводчиком. Джон Френч — человек большого мужества и, как все мужественные люди, чрезвычайно скромно и сдержанно. Почти все, что мне удалось узнать о нем, я узнал от других лиц. И все же я уговорил его показать фотографии морских и воздушных сражений, сделанных с борта его самолета. Среди них уникальные, неповторимые кадры минувшей войны. Джон Френч был награжден английским боевым орденом за спасение шести летчиков, сбитых над морем...

Сейчас он переводит «Белый пароход».

В общем, я очень доволен своей поездкой. Непосредственные контакты дают возможность лучше узнать страну, друг друга, не умогательно, не понаслышке, а на основе воочию увиденного оценить достоинства и критически отнестись к недостаткам иной культуры, иных традиций. Появляется больше ясности. А это — немало.

Вел интервью

В. САВЧУК.